Для человека, любившего поесть так же сильно, как Тан Фань, отказать Ван Чжи, не соблазнившись его приглашением, было очень странно.

Однако статус Тан Фаня был уже далеко не тот, что прежде. Даже Ван Чжи должен был вежливо кланяться ему при встрече. Какой-то Вэй Мао не мог его остановить. Если он хотел уйти, Вэй Мао оставалось лишь беспомощно смотреть ему вслед.

Тан Фань поспешил вернуться домой. Не успел он переступить порог, как ощутил доносившийся изнутри аромат.

В комнате, что в это время суток обычно стояла темной и пустой, ярко горели фонари, согревая сердца людей в эту осеннюю ночь.

Он слабо улыбнулся.

Войдя в Кабинет Министров, Тан Фань переехал от Суй Чжоу в свой дом по соседству.

Тан Юй забрала Хэ Чэна – вернее, теперь его следовало бы звать Тан Чэном – в новый дом, который она купила в столице. Располагался он недалеко, чтобы в случае чего брат с сестрой могли позаботиться друг о друге. А Дун переехала вместе с ними. Они наняли охранников, да и к тому же Цянь Сан-эр всегда крутился подле, так что воры не смели к ним лазать.

Причина заключалась в том, что Тан Фань теперь был министром Кабинета, а Суй Чжоу – главой Императорской Стражи. Даже если никто и не строчил на них осуждающие доносы, допустить, чтобы император заподозрил что-то неладное, было нельзя. Ведь теперь оба оказались в весьма щекотливых положениях из-за занимаемых ими должностей, а давать кому-то повод надавить на них не хотелось. Еще и фракция Ваней продолжала периодически цепляться к Тан Фаню. Если кто-то обвинит его в сговоре со стражником самого императора, даже воды Хуанхэ не очистят его доброго имени.

По возвращении из Цзянси Тан Фань за свои заслуги получил повышение, а Суй Чжоу завоевал еще больше доверия императора. Изначально император планировал даровать ему титул князя Дин Аня, однако Суй Чжоу продолжал из раза в раз отказываться. Расстроенный, тот взамен наградил его весьма щедрым жалованьем.

Благодаря благородной наложнице Вань Вань Тун по-прежнему занимал пост командующего Императорской Стражей. Суй Чжоу пока не контролировал всю Императорскую Стражу, однако рано или поздно должен был получить ее в свои руки целиком: спустя годы борьбы, сторонников у Вань Туна становилось все меньше. На данный момент все подразделения Императорской Стражи, помимо Южного Двора, включая Северный Двор и посты охраны, находились в распоряжении Суй Чжоу. Дошло до того, что люди начали говорить, что у Императорской Стражи теперь двое настоящих командующих. Хоть Суй Чжоу и считался пока лишь Главой Двора, занимая должность ниже, чем Вань Тун, тот был не в силах отнять власть у своего противника.

Вань Туну это все, конечно, не нравилось, но император доверял Суй Чжоу не меньше, чем ему, так что классические методы искоренения инакомыслящих, такие как клевета и обличающие доносы, на Суй Чжоу не работали. Вань Туну ничего не оставалось, как временно отступить и придумать другой план.

Впрочем, для Тан Фаня с Суй Чжоу жизнь по соседству мало чем отличалась от жизни под одной крышей, поскольку оба уходили на работу с рассветом, а возвращались поздно ночью. Даже если бы жили вместе, виделись бы не так часто.

Став соседями, они соединили дворы своих домов маленькой дверцей и, если приходили домой вовремя, ужинали вместе. Хотя случалось это крайне редко.

Сегодня был как раз один из таких дней. У Суй Чжоу в последнее время было не так много работы, а Тан Фань смог вернуться домой пораньше, избежав участи прятаться в Кабинете или любоваться на физиономию первого министра Ваня во время еды.

Прибавив шагу, он вошел в двери, преодолел лунные ворота, соединяющие внешний двор с внутренним, и оказался в столовой. Глазам его открылся стол с его любимыми яствами. Там же стоял и кувшин с двумя чашами и двумя парами палочек. Кто был повар, было ясно без слов.

Улыбка на лице Тан Фаня стала еще шире. Ускорив шаг, он вбежал в столовую и, протянув руку, схватил ближайшую к нему тарелку с ребрышками в соли и сычуаньском перце.

Еще горячие ребрышки были поджарены до хрустящей корочки и источали невероятный аромат – кажется, их только приготовили. Каждое словно шептало: “Ну же, съешь меня скорее”. Отзывчивый господин Тан не мог не откликнуться на их мольбы.

— Иди вымой руки.

Вдруг раздался за спиной знакомый голос. Тан Фань вздрогнул и чуть не уронил ребрышко на пол.

Он поспешил запихнуть горячее ребрышко себе в рот, после чего обернулся и одарил человека напротив заискивающей виноватой улыбкой.

Кулинарные таланты графа Суя были великолепны, и все его близкие знали это, однако поваром он не был. Даже в свободное время готовил он лишь по настроению, так что отведать его творений удавалось далеко не каждому.

Но в любом правиле есть исключения. Для кое-кого Суй Чжоу готовил ужин с удовольствием, хоть тот и был весь день занят, зачастую не успевая вернуться домой вовремя и как следует поесть.

— Уже иду! – во рту у Тан Фаня было ребрышко, так что говорил он неразборчиво, однако выражение лица его оставалось необычайно невинным. Умильно сощурив глаза, он улыбнулся Суй Чжоу и тотчас заприметил в его руках крабовый суп с тофу – его взгляд загорелся: – Зачем ты приготовил так много всего? Мы вдвоем со всем не управимся!

Он совсем забыл, что в его рту что-то есть, и, стоило ему только открыть его, как ребрышко упало на пол. Тан Фань не успел его поймать.

— …

— …

Кто бы мог подумать, что культурный и величественный старейшина Тан ведет себя так дома?

Тан Фань сухо рассмеялся и, быстренько наклонившись, подобрал ребрышко:

— Я сам все уберу! Уже иду мыть руки!

Суй Чжоу покачал головой, поставил на стол суп и вновь отправился на кухню, чтобы принести тарелку с золотистыми хрустящими маньтоу.

А когда вернулся в столовую, увидел сидящую за столом фигуру.

И принадлежала она не Тан Фаню: тот еще не помыл руки.

— Что ты здесь делаешь? – не предвещавшим ничего хорошего голосом спросил Суй Чжоу с холодным лицом.

— Ем! Как это я вовремя пришел! – ответил Ван Чжи со смехом и, схватив кувшин, налил себе вина. – Я пригласил старейшину Тана на ужин в павильон Сяньюнь, но тот сказал, что должен сегодня быть дома, иначе Хэдунский лев его накажет, поставив на колени на стиральную доску. Мне стало любопытно, что это за Хэдунский лев такой завелся в доме старейшины Тана, вот и пришел. Ой, он ведь не о тебе говорил?

В доме господина Тана работали тщательно отобранные Тан Юй служанки, но простая служанка была не в силах остановить командующего Вана, а больше никто не стал бы просто так вламываться без спросу.

Суй Чжоу очень хотел опустить тарелку с маньтоу прямо на голову незваному гостю и вышвырнуть его вон, но сдержался, поскольку Ван Чжи был первоклассным бойцом. Если бы они подрались, стол с яствами оказался бы безвинно пострадавшим. Вспомнив о том, что Тан Фань впервые за полмесяца смог вернуться домой к ужину, Суй Чжоу решил, стиснув зубы, потерпеть этого человека, что продолжал сидеть и самым наглым образом угощаться за чужой счет.

Он одарил Ван Чжи ледяным взглядом. Как ни глянь – тот был настоящим бельмом на глазу.

— Хватит нести чушь. Хочешь есть? Так ешь и проваливай.

Чем холоднее становилось лицо Суй Чжоу, тем вкуснее казалось Ван Чжи вино.

— Ты наверняка занят, – с улыбкой проговорил он. – Не обращай на меня внимания. Где старейшина Тан? Позови его, пусть выпьет со мной!

Не удостоив его вниманием, Суй Чжоу развернулся и ушел.

На плите еще стоял горшок супа из утки с бубенчиком и душистой купеной, который он варил специально для Тан Фаня. Время от времени его нужно было помешивать.

Стоило ему зайти на кухню, как он увидел, что кое-кто, стоя к нему спиной, увлеченно возится

над тарелкой куриных хрящей с чесноком, которые Суй Чжоу еще не успел подать на стол.

Прежде под хрящами лежали кусочки нежного таро, однако теперь те оказались сверху, чтобы нехватка хрящей не бросалась в глаза.

— … Не утруждайся, я уже все видел.

Тан Фань на мгновение замер, а затем медленно обернулся, сухо улыбаясь:

— Ты чего так беззвучно ходишь?! Напугал меня!

Вот так поворот: лучшая защита – это нападение.

Видя, что Суй Чжоу продолжает холодно смотреть на него, Тан Фань почувствовал себя виноватым и загнанным в угол:

— Я не собирался ничего красть. Просто хотел убедиться, что достаточно специй… Кхм, кто заставлял тебя так вкусно готовить? Я не сдержался! Ха-ха… Моей вины в том нет! Я не виноват!

“Сплошная головная боль с ним”, – ощутив некоторую беспомощность, подумал Суй Чжоу, однако лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным:

— Ты сказал Ван Чжи, что я – Хэдунский лев? Значит, я наказываю тебя, заставляя стоять на коленях на стиральной доске, да?

Тан Фань виновато улыбнулся:

— Я просто ляпнул, что первое в голову пришло, потому что не хотел идти с ним на ужин. Ты столько всего приготовил – зачем мне есть где-то еще, верно? – заметив, что Суй Чжоу ни капли не смягчился и продолжает буравить его взглядом, Тан Фань решил, что такое объяснение его не устроило и попытался осторожно подмазаться к нему: – Ну, хочешь, я пойду скажу ему, что это я Хэдунский лев?

— …

Командующий Ван абсолютно не имел представления о том, как положено вести себя гостям. Не успел хозяин сеть за стол, как он уже протянул свои палочки к еде. А когда явились граф Суй со старейшиной Таном, он лениво бросил им:

— Все готово? Коли готово, то садитесь и ешьте.

С самым уверенным видом хозяйничал, как у себя дома…

Суй Чжоу не желал ему отвечать, а вот Тан Фань несколько удивился:

— Откуда ты здесь?

— Услышал, что старейшина Тан отклонил мое приглашение и пришел сюда, чтобы узнать, в чем дело, – холодно отозвался Ван Чжи. – Оказалось, что женушка старейшины самолично

приготовила ужин – неудивительно, что ты даже слышать ничего о павильоне Сяньюнь не пожелал!

Слово “старейшина” из его уст звучало не только не уважительно, но и довольно насмешливо.

— Тогда тебе сегодня повезло, – рассмеялся Тан Фань. – Отведать стряпни Гуанчуаня удается далеко не каждому!

Все его мысли были поглощены лишь ковшиком, которым Суй Чжоу наливал ему крабовый суп с тофу. И он совсем не обратил внимания на то, как Ван Чжи назвал Суй Чжоу.

А вот Суй Чжоу, напротив, замер, поднял глаза на Ван Чжи и прищурился.

— Женушка?

Тан Фань недоуменно поднял голову.

— Да, женушка! – невозмутимо ответил Ван Чжи. – А что? Ты ведь Хэдунский лев? Значит, женушка!

Уголки губ Тан Фаня дрогнули. Обеспокоенный тем, что Суй Чжоу в гневе не даст ему поесть крабового супу с тофу, он поспешил сгладить ситуацию:

— Он не женушка! Никто он! Никто!

— …

— Я не никто, – поправил его Суй Чжоу.

Старейшина Тан закивал головой так, словно толок чеснок, и слабовольно предложил компромисс:

— Тогда муж*! Муж!

Ван Чжи бросил на него недоверчивый взгляд:

— Как многоуважаемый министр Кабинета может быть таким бесхребетным?

Тан Фань радостно принял из рук Суй Чжоу крабовый суп с тофу и, с удовольствием проглотив несколько ложек, наконец улучил момент ответить:

— Что такое хребет? Он вкусный? Вкуснее крабового супа с тофу?

Только посмотрите на него! Слышали бы это сейчас его коллеги!

Суй Чжоу положил ему в чашку кусочек жареной утки, купленной в известном магазинчике, куда частенько ходил Тан Фань.

— Кушай, – сказал Суй Чжоу.

Давая понять, чтобы Тан Фань не обращал на Ван Чжи внимания.

Ван Чжи это нисколько не задело. Он взял куриный хрящ и тоже положил его Тан Фаню в чашку.

— Кушай, Пушистик. Кушай больше, – повторил он, подражая голосу Суй Чжоу.

— …

— …

Это была самая настоящая намеренная провокация.

Суй Чжоу поднял на него убийственный взгляд. Если бы не Тан Фань и его доброе имя, Ван Чжи бы сейчас вышвырнули за дверь.

Ван Чжи вел себя столь самодовольно и бессовестно именно потому, что знал это.

Оба обменялись взглядами, не желая уступать друг другу, и мысленно бросая друг другу вызов.

Уголки губ Тан Фаня дрогнули, и он с головой погрузился в еду.

Вскоре об этом незначительном эпизоде все позабыли. Остаток трапезы прошел в тишине и спустя какое-то время все блюда оказались начисто сметены со стола.

Кулинарный талант Суй Чжоу был просто на высоте. Даже Ван Чжи, привычный к приготовленным на императорской кухне или лучшими поварами ресторана Сяньюнь деликатесам, посчитал его блюда очень вкусными. Ему и невдомек было, что Суй Чжоу так расстарался только потому, что знал, что Тан Фань сегодня вернется домой пораньше. Вот почему по вкусу кушанья многократно превосходили те, что повара обычно готовят для посторонних.

После еды служанка убрала со стола, и все трое переместились в главный зал, где Тан Фань лично заварил им чай.

— Так поздно, а ты пригласил меня встретиться, да еще и за пределами дворца. Что-то случилось?

Ван Чжи сейчас служил во дворце, а не в Западной Ограде, что располагалась за его пределами. Он мог сколько угодно пребывать вне дворца, а также имел право брать отпуск, но в целом свободы у него теперь было меньше, чем прежде. Кроме того, Тан Фань являлся министром Кабинета, а в те времена министрам было запрещено иметь близкие отношения с евнухами. Ван Чжи никогда не упоминал об этом, но все равно старался обращать внимание на подобные тонкости.

Раз он покинул дворец, чтобы лично встретиться с Тан Фанем, вместо того чтобы сообщить информацию через Вэй Мао, должно быть, произошло нечто очень важное.

— Верно, – Ван Чжи не стал тратить время на то, чтобы распробовать чай, осушив чашку одним глотком. – Его Величество хочет восстановить Дворец Почитаемой Истины и Долголетия. Ты слышал об этом?

— Не просто слышал, – горько улыбнулся Тан Фань. – Сегодня в Кабинете этот вопрос обсуждали.

— О? И что говорят? – лицо Ван Чжи приняло заинтересованное выражение.

Во дворце не могло быть тайн. До высокопоставленного евнуха, вроде Ван Чжи, новости о том, что происходило в Кабинете, доходили быстро. Просто сегодня перед уходом он не успел навести справки.

— Дабы угодить Его Величеству, Вань Ань лично занялся этим вопросом. Просит у Лю Цзи выделить из Министерства Финансов пятьсот тысяч таэлей на строительство. Хлопковый Лю боится испортить себе репутацию и уходит от ответа, говоря, что эти средства уже были зарезервированы. Вань Ань очень недоволен. Велел нам всем подумать – завтра обсудим, – кратко поведал, как было дело, Тан Фань.

Говоря это, он оторвался от заваривания чая. Суй Чжоу взял у него чайник, сходил набрал воды и налил всем троим еще чаю, передав Тан Фаню чашку.

Тан Фань как ни в чем не бывало принял ее, улыбнувшись Суй Чжоу, а затем, повернувшись к Ван Чжи, скривил губы в горькой усмешке:

— Не думаю, что дело это будет легко разрешить. Хлопковый Лю не хочет становиться белой вороной, да и Лю Хуэйань так просто не отступится – будет крупная заварушка.

“Лю Хуэйань” было именем в быту Лю Цзяня (военный министр).

— А ты? Что ты думаешь? – спросил Ван Чжи.

— Годовой доход казны составляет лишь шесть миллионов таэлей, – серьезно отвечал Тан Фань. – По моим подсчетам, даже Ли Цзылун в шахтах добывал больше. И то это, если погода хорошая и урожай во всех провинциях обильный. Ни в какое сравнение с временами Тан и Сун. А причина кроется в несовершенстве налоговой системы, установленной императором-основателем. И это не только мое мнение, все так считают – это уже ни для кого не секрет. Но поскольку законы предков незыблемы, любой, кто предложит внести изменения в систему налогообложения, окажется немедленно подвергнут нападкам со стороны цензоров.

Ван Чжи был нетерпеливым человеком, однако теперь оказался вынужден внимательно его слушать.

Он знал Тан Фаня и то, что тот не их тех, кто станет попусту чесать языком. Должно быть, все это имело отношение к тому, что он хотел сказать далее.

Впрочем, для Суй Чжоу любой Тан Фань: и непосредственный, и наглый, и, как сейчас, собранный и красноречивый – оставался милым.

Всякий другой, обладающий подобным переменчивым характером, казался бы посторонним эмоционально нестабильным или двуличным, однако в Тан Фане это не смотрелось, как что-то неестественное, а наоборот, придавало ему огромное очарование. Посторонние знали лишь мягкого и открытого Тан Фаня, и только самым близким было видно все разнообразие его натуры.

Тан Фань сделал глоток чая и продолжил:

— Все деньги из государственной казны нужно тратить на бесчисленное множество вещей. Зачастую даже не выходит связать концы с концами, и средства выделяются из бюджета следующего года. Откуда взяться деньгам на строительство даосского храма Его Величества? Если бы он взял деньги из внутренней казны, никто бы и слова не сказал, но Вань Ань удумал выделить на эти цели деньги из государственной, дабы угодить Его Величеству. Если Вань Ань велит нам завтра высказаться, Лю Цзянь и я точно будем против, – сказав так, он изобразил на лице насмешливую улыбку: – И, как мне кажется, инициатором всего этого определенно был не Его Величество. Думаю, кто-то подговорил его взять средства из государственной казны.

— Боюсь, у вас не выйдет этому помешать, – усмехнулся Ван Чжи. – Поскольку Цзи Сяо внушил Его Величеству, что дворец этот сможет стать мостом между нашим миром и царством бессмертных. Император – сын Неба, он родом не из земного мира. Благодаря этому дворцу-мосту Небеса даруют ему все, о чем ни попросит.

— Погоди, – насторожился Тан Фань. – Цзи Сяо же буддийский монах. Какое отношение он имеет к даосскому храму?

— Он заявил, что буддизм и даосизм имеют одни истоки, а даосская богиня милосердия Цыхан на самом деле – буддийская бодхисатва Гуанинь. Мол, нет смысла разделять буддизм и даосизм, если человек движим целью избавить все сущее от страданий. К слову, его фокусы по превращению камней в золото ввергли Его Величество в такой божественный трепет, что он бы с легкостью поверил даже в то, что Цзи Сяо – реинкарнация Будды, не то что в родство буддизма и даосизма.

— …

Тан Фань с Суй Чжоу переглянулись. Оба были несколько шокированы: они и подумать не могли, что император настолько одержим подобного рода вещами.

Прежде Цзи Сяо рекомендовал императору многих монахов, и император жаловал им титулы, золотые печати Национальных Мастеров, нефритовые короны бессмертных и так далее. Многие цензоры упрекали его за это, а император, в свою очередь, упрекал их в непочтительности к богам, а нескольких наиболее настырных даже бросил в тюрьму – дело это поручили Суй Чжоу.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с важными государственными делами. Пока странности в поведении императора не влияли на страну в целом, министры Кабинета, включая Тан Фаня, были вынуждены закрывать на них глаза. Нынешнее же желание императора построить даосский храм на деньги из государственной казны, вызывало всеобщее недовольство.

— Согласия одного Вань Аня мало, – покачал головой Тан Фань. – Если остальные члены Кабинета выступят против, он не сможет ничего предпринять один. Его Величеству придется выделить деньги на строительство храма из внутренней казны. В национальной лишних денег нет.

Ван Чжи не стал с ним спорить, поскольку пришел сюда сегодня совсем не за этим:

— Я просто хотел предупредить тебя, чтобы ты ко всему был готов. Но я здесь по другому поводу.

Тан Фань почуял недоброе:

— Есть новости и похуже?

— Верно, – Ван Чжи натянул на лицо улыбку. – Неважно, откуда будут взяты деньги. Его Величество уже принял решение: этот долбанный даосский храм будет восстановлен во что бы то ни стало. Причем отремонтирован не только внутри, но и снаружи. За три месяца! А как только его достроят, наследного принца отправят туда молиться за своего отца, чтобы он таким образом выказал ему должное почтение.

— Что за чушь?! – не задумываясь, выругался Тан Фань. – Какому шарлатану это только в голову пришло?! Как может драгоценный наследный принц так бездумно покинуть дворец?! И вообще, если заставить достойного наследника престола молиться в каком-то сомнительном даосском храме, его репутация пострадает!

Суй Чжоу сжал тыльную сторону его ладони, успокаивающе похлопывая.

— Чего ты на меня-то срываешься? – холодно бросил Ван Чжи. – Я что ли предложил это Его Величеству?

Тан Фань тотчас успокоился и с горькой улыбкой ответил:

— Не пойми неправильно. Я не хотел на тебя срываться. Просто это же полный абсурд!

— Вот почему я и пришел рассказать тебе об этом. Идея эта Цзи Сяо. И Его Величество ее, скорее всего, одобрит. Мы с Хуай Энем находимся в и без того щекотливом положении. Если начнем возражать, Его Величество рассердится и решит, что наследный принц презирает своего отца, и окончательно примет сторону Цзи Сяо. Так что все зависит только от вас.

— С чего вдруг Цзи Сяо предложил это? – нахмурился Тан Фань. – Он же вроде не имеет никакого отношения к наследному принцу…

— Цзи Сяо в свое время рекомендовал Ли Цзышэна, а Ли Цзышэн близок с фракцией Ваней. Может, это как-то связано? – предположил Суй Чжоу.

С тех пор как компаньон принца Хань Цзао умер из-за яда, наследному принцу, помимо чашнигира, что пробовал его еду, назначили еще и разбирающегося в медицине евнуха, ответственного за проверку всей пищи принца. Так что злоумышленникам теперь к нему было не подступиться.

А после того, как учитель наследного принца Линь Ин подставил Тан Фаня, в Восточном Дворце и Зале Образования по просьбе Хуай Эня и с молчаливого согласия императора была проведена зачистка. Все, кто остался, были искренне преданы наследному принцу. Подкупить кого-то из них было невозможно.

Но принц по-прежнему не мог оставаться в полной безопасности. Напротив, опасность ему угрожала постоянно, потому что благородная наложница Вань хотела сделать наследным принцем Чжу Ююаня, сына наложницы Чэнь. Фракция Ваней делала все возможное, чтобы убедить императора сместить наследного принца, а благородная наложница Вань постоянно приводила Чжу Ююаня к императору, дабы надавить на его нежные отцовские чувства.

И чем дальше, тем больше любви испытывал император к Чжу Ююаню, а из-за предпочтений благородной наложницы Вань и правда начал задумываться о том, чтобы сменить наследного принца, но сомневался и пока не решался этого сделать. В последнее время здоровье Дракона оставляло желать лучшего, так что подданные всерьез забеспокоились.

Слова Суй Чжоу напомнили Тан Фаню об этом. Нахмурившись, он был вынужден спросить:

— Фракция Ваней мечтает об упразднении наследного принца. Не может же быть, чтобы они хотели воспользоваться тем, что он покинет дворец, и попытаться убить его?

Он явно не разбирался в подобного рода вещах. Услышав это, Суй Чжоу с Ван Чжи покачали головами:

— Это невозможно. Даже если наследный принц действительно покинет дворец, сопровождать его будет чрезвычайно надежная охрана. Да и Императорская Стража выставит патруль вдоль дороги. Попытаться убить наследного принца на глазах у всех может только самоубийца. Его нашпигуют стрелами, как ежа, прежде чем он хоть на шаг к наследному принцу приблизится.

Но если убийства не планируется, то зачем отправлять туда принца? Может, предложение Цзи Сяо и сегодняшнее заявление Вань Аня в Кабинете Министров – это просто совпадение?

Тан Фань так и не смог понять мотивов Цзи Сяо, а потому лишь покачал головой:

— Поступим следующим образом. Сначала я свяжусь с Лу Хуэйанем и остальными – вместе составим прошение Его Величеству о том, чтобы он отказался от идеи восстановить даосский храм. Если у нас ничего не выйдет, то будем думать дальше. Его Величество еще не объявил, что наследный принц должен молиться в храме. Если потороплюсь, Его Величество поймет, что кто-то сливает информацию из внутреннего дворца, и тогда нам всем придется несладко.

Похлопав себя по бедрам, Ван Чжи поднялся, собираясь уходить:

— Ладно, делай все, что в твоих силах. Дождь проливается по воле Небес, а девушки выходят замуж – будь что будет. Мы не в силах ничего изменить, так будем действовать по обстоятельствам!

Тан Фань даже без предупреждения Ван Чжи давно был готов к чему-то подобному. В ту же ночь он сходил к Лю Цзяню с Сюй Пу, и на следующий день все трое составили прошение, в котором единогласно выступили против строительства даосского храма, о чем и заявили на

заседании Кабинета Министров, после чего Вань Ань уже не мог внаглую просить средства из государственной казны.

Они оказались не единственными в этом деле: многие цензоры также высказались против этой затеи. Но, как и предполагал Ван Чжи, процессу восстановления Дворца Почитаемой Истины и Долголетия это нисколько не помешало. Напротив, всеобщее противодействие лишь подхлестнуло бунтарский дух императора. Он продолжал упорно настаивать на ремонте храма, даже если из государственной казны средств выделено не будет – он решил заплатить за все из внутренней.

Посыл был ясен: “Я трачу свои кровные деньги, так что закройте рты”.

Возражениями было ничего не добиться, и оставалось лишь смириться.

Поздней осенью двадцать второго года правления императора Чэнхуа было выбрано место для воздвижения Дворца Почитаемой Истины и Долголетия, и началось строительство. Ли Цзышэн был назначен главным ответственным лицом и получил должность в Министерстве Работ.

Дабы угодить Сыну Неба, строительство храма шло ускоренными темпами, и к декабрю оно было завершено уже более, чем на половину.

Тогда же император сообщил, что по завершении строительства собирается лично отправиться туда помолиться.

И стоило ему это произнести, как весь двор, а вместе с ним и народ, переполошились.

Все высокопоставленные чиновники один за другим высказались против этой затеи, и ситуация оказалась серьезнее, чем с возражениями против строительства храма. Даже вечно противостоящие друг другу члены Кабинета Министров, единодушно заявили о своем несогласии.

Со времен тумунской катастрофы и переноса императором Инцзуном столицы с юга в Пекин, придворные были резко против того, чтобы император покидал дворец. Они желали держать того взаперти в Запретном городе всю его жизнь, дабы не допустить больше никаких крайне неприятных инцидентов.

Под таким единодушным напором император наконец пошел на уступки. Он согласился никуда не ездить, предложив отправить вместо себя наследного принца, чтобы тот выказал должное почтение своему отцу и вознес за него молитву.

С этим, конечно, все тоже не согласились, после чего Двор снова погрузился в хаос.

Вопрос этот как висел, так и оставался висеть до конца декабря. А когда строительство дворца должно было вот-вот завершиться, произошло аж два крупных события подряд.

Сначала комета пролетела через Северный Ковш (Большая Медведица).

А затем Золотая звезда (Венера) прошла по диску Солнца.

***

Послесловие автора:

Некоторые нюансы в романе не соответствуют исторической действительности. Так, например, нынешние члены Кабинета, на самом деле, должны были войти в него в 23 год правления императора Чэнхуа. Плюс к ним добавился господин Тан. Другой пример: кометы частенько летали в 22-23 года правления императора Чэнхуа, но не в тот период, что указан в романе, и так далее и тому подобное. Это всего-лишь роман, не верьте всему, что здесь сказано ~

Мини-театр:

Цилан (Тан Чэн): Дядя, мама сказала, что вы с дядей Суем хорошие друзья, но братец Сан-эр сказал, что нет. Так это правда или нет?

Тан Фань: Конечно, правда. Иначе зачем, думаешь, мы живем рядом друг с другом? Все из-за нашей хорошей дружбы. Так мы сможем навещать друг друга каждый день.

Цилан (озадаченно): Почему тогда братец Сан-эр сказал, что вы не хорошие друзья?

Тан Фань: …Он заслуживает хорошенькой трепки.

В следующем мини-театре будет рассказано о гениальном и пикантном применении калитки в стене. Пожалуйста, подождите→_→

***

Примечания переводчика:

* - По поводу “женушка - никто - муж”. Там используется игра слов. Передала, как смогла. Объяснение:

ВЧ называет СЧ “□□”, что переводится как “жена, наложница”. дословно “внутренний человек”. Поскольку жены сидели дома.

ТФ, чтобы СЧ не ругался, назвал его “□□”, что переводится как “посторонний”. Дословно – “внешний человек”. То есть заменил “внутренний” на антоним “внешний”.

СЧ это не понравилось. И тогда ТФ назвал его “□□”, что переводится как “муж”. Мужей так называли, потому что они работали вне дома, представляли семью в обществе.

“С тех пор как компаньон принца Хань Цзао умер из-за яда…” - он же не от яда умер! А от иглы! МСШ сама забыла, как перса убила?

“В Восточном Дворце и Зале Образования по просьбе Хуай Эня и с молчаливого согласия императора была проведена зачистка”, - а зачистку эту ващет по просьбе фракции Ваней проводили, а не Хуай Эня…

“Это всего-лишь роман, не верьте всему, что здесь сказано ~” - я, которая поверила в существование полудракончиков и волшебных установок: ну ок о.о

Вообще первая часть главы была бы довольно смешной, если бы не три момента:

Во-первых, полное отсутствие какого-либо пояснения, что произошло между героями за эти почти три года. Прихожу к выводу, что мое предположение о том, что ту мыслю ТФ про “хорошо, что этот человек все еще рядом” МСШ пыталась сделать переломным моментом их отношений, было верным. Грустно. Сухо. Невкусно. Слишком много вопросов и дискомфорта.

Во-вторых, мне не нравится, что ТФ постоянно испытывает чувство вины, боится, что СЧ разозлится, прячется, тайно что-то тырит, оправдывается, пытается его задобрить и прочее. У них отношения взрослый-ребенок какие-то, где “взрослый” постоянно осуждающе вздыхает, наказывает, сетует, как от ребенка много проблем, а ребенок пытается взрослого задобрить и стыдится своей непоседливости.

Ало, ТФ, ты тоже взрослый! Ты можешь спокойно тырить все, что хочешь! Вы все равно это вдвоем есть собирались… Мы с сестрой живем вдвоем и все время так делаем, какая разница? Что в этом преступного?

Ну и, в-третьих, реакция СЧ на подкол ВЧ меня тоже напрягла. Это было бы довольно забавно, но…

Да, я тоже очень не люблю, когда по отношению к мужским персонажам используют женские словечки, типо женушки, принцессы, а по отношению к женским, соответственно, мужские по принципу: ой, так все бабы/мужики себя ведут. “Снизу” или просто миловидный? Значит, баба. Готовишь, убираешься по дому - женушка, зарабатываешь деньги и обладаешь сильным характером - мужик! Это все, даже в шутку (особенно в шутку - шутки формируют мышление масс) - поддержка гендерных стереотипов и сексизм.

(ВЧ я подобных обвинений предъявлять не буду, поскольку он живет в 15 веке, и в принципе любитель всех поподкалывать. И даже жестко)

Но СЧ явно не из-за этого обиделся;D Не потому что, ой, мужчины тоже могут готовить уставшему после работы партнеру/партнерше ;D Ему кажется унизительным то, что его назвали женушкой ТФ.

И ладно, я бы со скрипом закрыла на это глаза, если бы не знала, что в 79 главе МСШ в послесловии назвала ТФ женушкой СЧ. Меня это тогда рассердило, да и никакой смысловой нагрузки то предложение не несло (там было что-то вроде: “Господин Суй снова не встретился со своей женушкой”, - или типо того), так что я вообще не стала это переводить.

Во-первых, как я уже объяснила выше, мне очень такое не нравится (помню, любила одну небезызвестную слэш новеллу, но, когда узнала, что автор в послесловии кликал гг “женушкой”, как-то резко к ней охладела). А во-вторых, даже если забыть про гендерные стереотипы и прочее, МСШ в этой главе ясно дает понять, что СЧ подобное кажется неприятным или даже унизительным, но сама называет так ТФ. Типо… Что за двойные стандарты? Да и вообще просто нафига?

Ну и напоследок, напрягает вообще то, что СЧ взбеленился и вступил с ВЧ в перепалку… Ну камон, что за мелочность и склочность? Дорамный спокойный СЧ вообще бы добродушно не обратил внимания на подобный подкол. С такими как ВЧ ток игнор работает, иначе сам себе яму копаешь. А они ведь с СЧ даже особо не близки, чтобы в шутку пререкаться. СЧ постоянно охает над тем, что ТФ ведет себя как ребенок, и сам ведет себя не лучше. Но ТФ хоть милый, а этот нет…

Да, я душнила…

***

Комментарии беты:

Вообще, мне все ещё немного грустно, что время проходит, а их взаимодействие как будто остается на прежнем уровне, при этом чувственная сторона куда-то испарилась. Мол показывают, что за ручки держатся, один другого успокаивает, что вот кушать ТФ готовят.

В этой главе вроде МСШ добавила контента с их взаимодействием, но он мне мало чем понравился. Вот раньше мне нравился такой типаж, мол холодный снаружи, теплый внутри, который только за свою булочку беспокоится, а к остальным в большей степени равнодушен. Но сейчас я как-то... не знаю. После вот такого персонажа, как СЧ, мне этот типаж почти разонравился

МСШ вроде бы делает развитие в их отношениях, но я почему-то до сих пор вижу столько стен, что пи***ц.

Я, по-моему, ни разу не видела предложения, где СЧ не просто там улыбался или был со слабой улыбочкой, а искренне смеялся бы с чего-то. Это бы уже сделало персонажа более живым, но нет. Одни вздохи с того, что он не знает, что делать с привычками ТФ. Подошёл бы и вместе с ним постоял бы над тарелкой с хрящами и похавал.

Да и абзац про то, что ТФ разнообразный и может казаться другим двуличным меня тоже смутил. Если бы это было не так, то он был бы картонным.

В общем не знаю. Не сказать, что мне совсем уж не понравилась эта глава, но ощущаю я себя после неё как-то странно.

http://tl.rulate.ru/book/50212/3319231